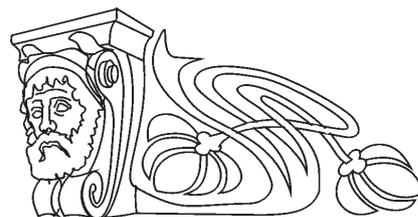

УДК 159.99

ВЗАИМОСВЯЗЬ ФАНАТИЗМА С ФЕНОМЕНОМ НЕТРАДИЦИОННЫХ РЕЛИГИОЗНЫХ ДВИЖЕНИЙ

Гусева Евгения Сергеевна –
ассистент кафедры социальной психологии,
Самарский государственный университет
E-mail: guseva-es@mail.ru

В статье анализируются социально-психологические факторы специфической для нетрадиционных религиозных организаций среды, способствующие формированию фанатизма. Рассматривается проблема опознавательных признаков нетрадиционной религиозности. Представлены особенности сознания и поведения религиозной фанатической личности, а также такие типы религиозного фанатизма, как экстравертный и интровертный, традиционный и нетрадиционный. Описываются механизмы снижения функции самоконтроля и самосохранения личности. Проведен анализ того, какими средствами эти механизмы могут быть реализованы внутри религиозной группы. Уделено внимание установкам, которые несут в себе религиозные доктрины, способствующие формированию фанатической направленности личности: установка на восприятие социального окружения, не связанного с религиозной общиной, как «испорченного»; установка на активное изменение «испорченного» окружающего мира, а также – изоляцию от него. Обозначены проблемы эмпирического исследования членов нетрадиционных религиозных организаций.

Ключевые слова: фанатизм, религиозность, нетрадиционные религиозные организации.

DOI: 10.18500/1819-7671-2015-15-4-73-78

Сегодня можно говорить о том, что процесс глобализации, затрагивающий многие аспекты общественного бытия, имеет свое отражение и в религиозной сфере. В самых разных регионах мира отмечается всплеск религиозного фанатизма как защитной реакции на интеграционные процессы, происходящие в религиозной среде. Кроме этого религиозные фанатики так же, как и фанатически настроенные религиозные группы во все времена активно использовались всевозможными политическими силами в качестве средства для решения определенных задач. Фанатизм «стал идейным оружием правящих элит в борьбе за предотвращение социальных и национально-освободительных революций, за сохранение современного мирового порядка. Он превратился в средство политической борьбы, контролируется, финансируется и управляется политическими элитами» [1, с. 36].

Интеграционные тенденции в религиозной сфере, отвечающие процессу глобализации, обеспечиваются, в том числе, и посредством распространения нетрадиционных религиозных движений, представляющих собой не что иное

как гигантские транснациональные корпорации [2, с. 20]. Принято считать, что, прежде всего, в религиозных движениях нетрадиционного толка формируется личность фанатической направленности [1]. Хотя следует отметить, что факторы религиозной среды, способствующей формированию фанатизма, психологами практически не исследованы.

Анализируя различные определения фанатизма, важно отметить, что практически все они подчеркивают маниакальную направленность фанатического сознания, его одержимость «высшей» идеей.

Согласно словарю С. И. Ожегова, фанатик – человек, страстно преданный какому-нибудь делу [3, с. 693]. Исходя из этого, религиозный фанатизм можно определять как преданность определенной религиозной идеологии.

М. Я. Яхьяев отмечает, что чаще всего фанатизм рассматривается как «форма массового, коллективного психоза, выражающегося в маниакальной одержимости определенной идеей (идеологией). Иногда отмечается и то, что фанатизм – это явление не только массовой, но и индивидуальной психологии» [1, с. 16].

Г. В. Старшенбаум определяет религиозный фанатизм как «крайнюю степень увлечения религиозной деятельностью с созданием из нее культа, поклонением и растворением в группе единомышленников» [4].

В. Д. Менделевич пишет: «Увлечение какой-либо деятельностью, достигающей крайней степени выраженности с формированием культа и созданием идолов, с полным подчинением человека и “растворением” индивидуальности, носит название фанатизма» [5, с. 143]. Помимо этого принято говорить о примитивизме фанатического религиозного сознания: «Религиозный фанатизм имеет четкое, простое и ясное мировоззрение...» [1, с. 11].

На основе фанатического религиозного мировоззрения формируется соответствующее фанатическое поведение, носящее девиантный характер: «Доминирующим мотивом поведения фанатика являются социальная агрессивность, активное стремление к разрушению

существующего общества, к нанесению ему наибольшего ущерба. Фанатическое поведение является деструктивной формой иллюзорной социально-преобразовательной деятельности, разрушительной для личности фанатика и для общества» [1, с. 10].

В контексте поведенческих проявлений выделяют два основных типа фанатизма: первый – это экстравертный фанатизм, выражающийся в революционных террористических действиях [1, с. 31]. В качестве примера можно привести религиозную террористическую организацию «Хизб-ут-Тахрир». По статистике около 40% террористов являются религиозными или националистическими фанатиками [6, с. 30–33].

Второй тип фанатического поведения – интровертный фанатизм – представляет собой попытку построения изолированного идеального мира [1, с. 31]. Например, это может быть уход группы религиозных фанатиков в пещеру, подземелье и т. д. для построения там нового совершенного общества. К крайнему варианту интровертного фанатизма, на наш взгляд, можно отнести стремление к физическому самоуничтожению. Так, 39 членов религиозной группы «Врата рая» в Южной Калифорнии покончили жизнь самоубийством. Предполагалось, что их души, покинувшие бренные тела и этот ужасный мир, телепортировались на НЛО, подлетающий к Земле в хвосте кометы Хейла-Боппа, который и должен был доставить их на прекрасную космическую родину [7, с. 204].

Фанатическое поведение, как считает М. Я. Яхьяев, никогда не достигает своей цели, т.е. не приводит к разрушению существующего общественного порядка. Однако для фанатика объективный результат своей деятельности не важен: субъективная система оценок, в которой он часто является героем и победителем, гораздо более важна для него [1, с. 21].

Многие исследователи считают, что фанатизм культивируется, в первую очередь, внутри так называемых нетрадиционных религиозных организаций или новых религиозных движений (НРД). Так, М. Я. Яхьяев перечисляет целый ряд авторов, рассматривающих взаимосвязь фанатизма с нетрадиционными религиозными движениями, экзотическими и старообрядческими сектами [1, с. 6] и выделяет традиционный («старческий») и нетрадиционный («детский») типы фанатизма: фанатизм нетрадиционного религиозного движения направлен на смену социально-политической системы, а традиционный фанатизм работает на сохранение общественных устоев [1, с. 30]. Однако В. Д. Менделевич по-

лагает, что «благоприятной почвой для возникновения отклоняющегося поведения» является именно нетрадиционная форма религиозности [5, с. 143].

Фанатичность веры представителей новой религиозности, как пишет С. Б. Филатов, «отмечают многие наблюдатели» [8, с. 414]. Однако сам он полагает, что члены религиозной организации начинают терять присущий им фанатизм по мере того, как организация встраивается в общество, «цивилизуется», все больше и больше принимая господствующие в нем нормы и ценности. На Западе процесс такой ассимиляции происходит быстрее. В России же «традиционные гонения» вынуждали соответствующие организации уходить в «глубокое подполье», только укрепляя тем самым присущий им фанатизм [8, с. 403]. С этой точки зрения фанатизм можно рассматривать как «форму или стадию развития религии» [1, с. 11].

Для разрешения проблемы взаимосвязи фанатизма с феноменом нетрадиционной религиозности необходимо разобраться, какие именно социально-психологические факторы, раскрывающие специфику нетрадиционной религиозной среды, работают на формирование фанатической идеологии, иными словами, какими специфическими признаками обладают нетрадиционные религиозные сообщества, тем более что этот термин нов и до настоящего времени не имеет универсального общепринятого определения. Выделение же факторов формирования религиозного фанатизма поможет организовать его профилактику.

В своем диссертационном исследовании, посвященном выявлению психологических особенностей членов нетрадиционных религиозных движений, В. Г. Кирсанова определяет последние как «отмежевавшиеся от основных конфессий (христианство, буддизм, ислам), не имеющие национальных корней на территории нашей страны» [9, с. 3]. Автор добавляет, что некоторые из этих религиозных объединений принято называть сектами, т.е. «ограниченными группами, отмежевавшимися от основных конфессий и жестко требующими признания правоты своего вероучения, связанных с ним морали и образа жизни», а также «характеризующиеся утверждениями избрничества, тенденцией к изоляционизму <...> отсутствием института священства <...> харизматическим лидерством» [9, с. 3–4].

Доктринам новых религиозных движений зачастую присущ эклектизм: смесь христианского мировоззрения с буддистским, языческим, оккультным, верой в НЛО [7]. Все чаще организации такого рода приобретают явную политическую окраску. Так, Д. Майерс говорит о доктрине

«Церкви объединения Муна», что это «смесь христианства, антикоммунизма и прославления самого Муна» [10, с. 340].

С. Б. Филатов ставит следующую проблему: «НРД – прекрасный идеологический термин, в который одни включают все, что им не нравится, а другие – все, что требует защиты от всевозможных преследований. НРД – очень удобное понятие и для борцов за свободу совести, и для борцов за религиозное единство нации, но термином НРД очень сложно пользоваться, когда стремишься проанализировать существо религиозных процессов» [8, с. 402]. Далее исследователь все же выделяет некоторые признаки новых религиозных движений: это религия, возникшая сравнительно недавно и имеющая своего «живого основателя» – человека, обладающего высшей спасительной истиной, как минимум, пророка, а как максимум – бога»; стремящаяся к изоляции своих членов, отказу от прежних социальных связей, в том числе и профессиональных; использующая методы контроля сознания; принуждающая адептов отказываться от личного имущества, утверждающая моральные нормы, противоречащие общепринятым [8, с. 402–403]. Что касается последнего пункта, то криминалистами замечено, что для личности преступника наиболее характерно отчуждение от общепринятых моральных норм и ценностей [6, с. 30–33].

Д. Майерс предпочитает употреблять слово «секта» и ограничивается тремя признаками последней: 1) особым ритуалом поклонения богу или человеку; 2) изоляцией от окружающей «злой» культуры; 3) наличием харизматического лидера [10, с. 340].

Г. В. Старшенбаум говорит об «экстремистских религиозных культах» и таких их характеристиках, как: а) наличие харизматического лидера (мессии); б) тоталитарная (догматическая, абсолютистская) философия; в) тоталитарная система управления; г) требование беспрекословного подчинения уставу общины; д) сильный акцент на накоплении богатства для общины; е) почти полное отсутствие заботы об индивидуальном благополучии членов культа. К этому ученый добавляет, что неофитов не посвящают полностью во все дела группы, от них многое скрывают [4].

Д. А. Мещеряков считает специфическим признаком НРД активное миссионерство, которым, в отличие от традиционных религий, обязан заниматься всякий рядовой последователь. Эта деятельность – коммерческая [2, с. 22]. В ее цели входит создание и продвижение эффективной рекламной кампании, конкурентоспособной на рынке духовного потребления. В арсенал миссионеров НРД входят такие методы психологи-

ческого воздействия, как внушение, убеждение, всевозможные трансовые техники, применение наркотиков и т. п. [11].

В связи с этим маниакальная приверженность идее, характерная для последователей НРД, может найти объяснение в представлениях о гипнотической идее у И. Бернгейма: обычные идеи не достигают такой силы, как гипнотическая. При этом её источником силы являются образы – не абстрактные, а конкретные. Именно конкретные образы воплощаются впоследствии в действиях [12, с. 73].

Не следует отрицать наличия некоторых из вышеперечисленных методов воздействия и в арсенале традиционного религиозного миссионера. Однако эти методы НРД могут отличаться жесткостью и существенно большей представленностью в миссионерской деятельности. Иногда дело доходит до открытых угроз и физического насилия: Д. Кореш, руководитель религиозной группы «Ветвь Давидова», прибегал не только к убеждению, но и насилию. Д. Джонс – вождь «Народного Храма» – «угрожал расправой потенциальным отступникам, подвергал избиению непокорных и применял наркотические средства для нейтрализации инакомыслящих» [10, с. 345]. Считается, что именно в НРД реализуется схема индоктринации личности, описанная К. Левиним, а впоследствии дополненная Э. Шайном и С. Хассеном. Она включает в себя несколько этапов: первый – «размораживание», целью которого является разрушение идентичности неофита через дезориентацию и обесценивание его жизненного опыта; второй – изменение или идеологическая обработка – представляет собой пошаговое формирование новой идентичности. Третий, завершающий этап – так называемая стадия «замораживания», или укрепления культовой идентичности (как правило, методами бихевиоризма) [11].

Наиболее распространенной сегодня остается тенденция приписывать НРД восемь признаков реформирования мышления, выделенные Р. Лифтоном: контроль среды, мистическое манипулирование, требование чистоты, культ личной исповеди, священная наука, нагруженность языка, доктрина выше личности, разделение существования [11]. Все вышеперечисленные признаки способствуют формированию высокой степени зависимости личности от религиозной группы, размыванию границ между личностью и группой, отчуждению ее членов от своего собственного Я: «Мое желание должно быть вашим желанием» – обращался Мун к своим последователям [10, с. 340]. Эксперименты Э. Динера, С. Прептис-Данна и Р. Роджерса показали, что деиндивидуализация значительно снижает уро-

вень самоконтроля [10, с. 373]. Именно отчуждение от своего Я помогает переступить закон и преодолеть страх смерти во имя реализации религиозной идеи [13].

М. Я. Яхьяев отмечает: «Фанатики как бы сами себя подогревают или заводят именно потому, что за демонстрацией сильных эмоций скрываются их внутренняя деструктивность и пустота как результат их безличности» [1, с. 19]. Обезличенный фанатик рассматривает себя в качестве орудия, при помощи которого строится «справедливое» будущее [1, с. 21].

Ту же функцию отчуждения, как отмечает Э. Хоффер, может выполнять театрализация, когда «жестокая реальность смерти и убийства» скрывается за умело выстроенным драматическим представлением, в котором человек «видит себя как бы со стороны», ситуация не воспринимается столь ужасной [13, с. 41]. Именно в театральной обстановке осуществлялось самоубийство членов «Врат рая»: смерть обыгрывалась ими как загородное путешествие: все 39 трупов были одеты в черные спортивные костюмы и новые кроссовки, их головы были закрыты платками фиолетового цвета, в кармане каждого было найдено по пять долларов с мелочью, рядом были обнаружены дорожные сумки [7, с. 240].

Еще один немаловажный фактор, способствующий культивации фанатизма в НРД, – это наличие спонсоров, обеспечивающих членам движения политическое укрытие, заинтересованных в формировании фанатических настроений, агрессия которых может быть умело направлена в политически выгодное русло [6, с. 30–33].

С. В. Иванеев пишет о том, что любое религиозное мировоззрение содержит в себе в некоторой степени недружелюбное отношение к другим религиозным системам, но в отдельных случаях это неприятие достигает гипертрофированных форм, распространяясь абсолютно на всех иноверцев без разбора [14].

М. Я. Яхьяев отмечает, что любая религия допускает возможность фанатической интерпретации своего вероучения, но есть религиозные доктрины, предрасположенные к этому в наибольшей степени [1, с. 27–29]. В своем исследовании учёный выделяет специфические особенности таких религиозных доктрин, противопоставляя их так называемым «нормальным» [1, с. 27]. Эти особенности отражают важнейший признак нетрадиционной религиозности – разделение всех членов общества на своих – носителей истины, которые достойны спасения, и чужих – носителей зла и заблуждения, а также содержат установку на активное преобразование «испорченного» окружающего мира:

1) с точки зрения нормального религиозного мировоззрения, в любом человеке сочетаются позитивные (божественные) и негативные (низшие) качества. Фанатическое религиозное мировоззрение разделяет людей на «правовверных, достойных спасения, и неправовверных, недостойных спасения»;

2) в традиционном религиозном мировоззрении мир – продукт божественного творения, фанатическая идеология всегда делает акцент на действию в нем темных сил;

3) в традиционной религиозной доктрине обязанность человека – охранять порядок видимого мира, а не переделывать его, фанатическое мировоззрение вменяет в обязанность своим последователям «исправлять порчу видимого мира»;

4) нормальная религиозная идеология провозглашает человека образом и подобием Бога, фанатическая говорит о том, что любовь Бога не дана человеку изначально – ее следует заслужить [1, с. 28].

Таким образом, проведенный нами анализ свидетельствует, что специфическая для нетрадиционной религиозной организации социально-психологическая среда способствует формированию у личности фанатической направленности. Это достигается посредством реализации механизма деиндивидуализации адептов, ослаблением границ между личностью и группой, что повышает внушаемость неопита, делая его более восприимчивым к специфической религиозной доктрине, а также снижает функцию самоконтроля и самосохранения. Фанатизму также способствует содержащаяся в религиозной доктрине установка на активное изменение, преобразование «испорченного» окружающего мира, которая может проявляться, в том числе, через непрерывную и обязательную для всех подотчетную проповедническую деятельность. Тем самым совершается превращение личности в орудие, средство реализации целей и задач религиозной группы.

Однако надо отметить, что сегодня в психологической науке нет эмпирических исследований, которые могли бы подтвердить наличие фанатизма в нетрадиционной религиозной среде. С одной стороны, сложности проведения таких исследований можно объяснить некоторой закрытостью НРД от непосвященных, склонностью ее членов к изоляционизму, с другой – тем, что сколько-нибудь серьезные необратимые изменения личности неопита наступают только после 4–7 лет [4] пребывания в религиозной группе.

Список литературы

1. Яхьяев М. Я. Религиозный фанатизм как социально-исторический феномен : автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Махачкала, 2006. 48 с.
2. Мещеряков Д. А. Глобализация в религиозной сфере общественного бытия : автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Омск, 2007. 24 с.
3. Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 1987. 750 с.
4. Старшенбаум Г. В. Аддиктология. Психология и психотерапия зависимостей. М., 2006. 368 с. URL: <http://psyworld.in.ua/load/100-1-0-235> (дата обращения: 01.02.2015).
5. Менделевич В. Д. Наркозависимость и коморбидные расстройства поведения. М., 2003. 327 с.
6. Авласенко В. А. Личность преступника члена религиозных сект : криминологический и психологический анализ // Юридическая психология. 2011. № 4. С. 30–33.
7. Фаликов Б. З. Культы и культура. М., 2007. 268 с.
8. Филатов С. Б. Новые религиозные движения – угроза или норма жизни? // Религия и общество. Очерки религиозной жизни современной России. М. ; СПб., 2002. С. 401–449.
9. Кирсанова В. Г. Психологические особенности членов нетрадиционных религиозных организаций : дис. ... канд. психол. наук. М., 2005. 126 с.
10. Майерс Д. Социальная психология / под ред. В. Усманова. СПб., 1997. 688 с.
11. Хассен С. Освобождение от психологического насилия / под ред. Я. Левченко. СПб., 2001. 400 с.
12. Московичи С. Век толп / под ред. Т. Емельяновой. М., 1998. 354 с.
13. Хоффер Э. Истинноверующий. Мысли о природе массовых движений / под ред. А. Михайлова. Минск, 2001. 200 с.
14. Иванеев С. В. Экстремизм, фундаментализм и терроризм под флагом Ислама // Юридическая электронная библиотека «Юристлиб». URL: http://juristlib.ru/book_7505.html (дата обращения: 05.02.2015).

Relationship of Fanaticism with the Phenomenon of Non-Traditional Religious Movements

E. S. Guseva

Samara State University
1, Ak. Pavlova str., Samara, 443011, Russia
E-mail: guseva-es@mail.ru

The article analyses the socio-psychological factors of a specific for non-traditional religious organizations environment which contribute to the formation of fanaticism. It considers the problem of identification signs of non-traditional religiousness. The author presents the peculiarities of conscience and behaviour of a religious fanatic personality and also such types of religious fanaticism as extraverted and introverted, traditional and non-traditional. Mechanisms to reduce the function of the personality's self-control and self-preservation are described.

The means of realizing these mechanisms within a religious group are analyzed. Attitudes implied by religious doctrines contributing to forming a fanatic personality orientation are considered: the attitude toward perceiving the social environment which is not concerned with the religious community as «corrupt»; the attitude toward actively changing the «corrupt» environment and isolating oneself from it. The problems of empirical study of non-traditional religious organizations members are sketched.

Key words: fanaticism, religiousness, non-traditional religious organizations.

References

1. Yakhyaev M. Ya. *Religioznyy fanatizm kak sotsialno-istoricheskiy fenomen*: avtoref. dis. ... d-ra. filos. nauk (Religious fanaticism as a socio-historical phenomenon: Author's abstract of thesis ... of Doctor of philosophical sciences). Makhachkala, 2006. 48 p.
2. Meshcheryakov D. A. *Globalizatsiya v religioznoy sfere obshchestvennogo bytiya*: avtoref. dis. ... kand. filos. nauk (Globalization in the religious sphere of social being: Author's abstract of thesis ... of candidate of philosophical sciences). Omsk, 2007. 24 p.
3. Ozhegov S. I. *Slovar russkogo yazyka* (Dictionary of the Russian language). Moscow, 1987. 750 p.
4. Starshenbaum G. V. *Addiktologiya. Psikhologiya i psikhoterapiya zavisimostey* (Addictology. Psychology and psychotherapy of addictions). Moscow, 2006. 368 p. Available at: <http://psyworld.in.ua/> (accessed 1 February 2015).
5. Mendelevich V. D. *Narkozavisimost i komorbidnye rasstroystva povedeniya* (Drug addiction and comorbid behavioral disorders). Moscow, 2003. 327 p.
6. Avlasenko V. A. *Lichnost prestupnika chlena religioznykh sekt: kriminologicheskiy i psikhologicheskiy analiz* (Personality of a criminal member of religious sects: criminological and psychological analysis). *Yuridicheskaya psikhologiya* (Legal psychology), 2011, no. 4, pp. 30–33.
7. Falikov B. Z. *Kulty i kultura* (Cults and culture). Moscow, 2007. 268 p.
8. Filatov S. B. *Novye religioznye dvizheniya – ugroza ili norma zhizni?* (New religious movements: a threat or a norm of life?). *Religiya i obshchestvo. Ocherki religioznoy zhizni sovremennoy Rossii* (Religion and society. Sketches of religious life in Russia today). Moscow; St.-Petersburg, 2002, pp. 401–449.
9. Kirsanova V. G. *Psikhologicheskie osobennosti chlenov netraditsionnykh religioznykh organizatsiy*: dis. ... kand. psikhol. nauk (Psychological characteristics of members of non-traditional religious organizations: Thesis ... of candidate of psychological sciences). Moscow, 2005. 126 p.
10. Myers D. *Social Psychology*. New York, 2012. 580 p. (Russ. ed.: *Mayers D. Sotsialnaya psikhologiya*. Pod red. V. Usmanova. St.-Petersburg, 1997. 688 p.).
11. Hassan S. *Releasing the Bonds*. Boston, 2000. 389 p. (Russ. ed.: *Hassan S. Osvobozhdenie ot psikhologicheskoy zavisimosti*). Moscow, 2001. 389 p.

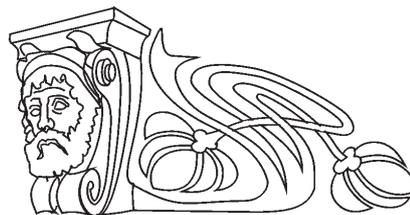

- kogo nasiliya. Pod. red. Ya. Levchenko. St.-Petersburg, 2001. 400 p. Available at: <http://royallib.com> (accessed 29 January 2015).
12. Moscovici S. *The age of the crowd*. Cambridge, 1985, 418 p. (Russ. ed.: *Moscovichi S. Vek tolpa*. Pod. red. T. Emelyanovoy. Moscow, 1998. 354 p.).
13. Hoffer E. *The true believer: Thoughts on the nature of mass movements*. New York, 1962. 176 p. (Russ. ed.: *Khoffer E. Istinnoveruyushchiy. Mysli o prirode massovykh dvizheniy*. Pod. red. A. Mikhaylova. Minsk, 2001. 200 p.).
14. Ivaneev S. V. *Ekstremizm, fundamentalizm i terrorism pod flagom Islama* (Extremism, fundamentalism and terrorism under the guise of Islam). *Yuridicheskaya biblioteka «Yuristlib»* (Legal library «Yuristlib»). Available at: http://juristlib.ru/book_7505.html (accessed 5 February 2015).

УДК 159.9:070

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ СОДЕРЖАНИЕ МЕДИАКУЛЬТУРЫ

Дорошин Илья Александрович – аспирант кафедры общей и социальной психологии, Саратовский государственный университет
E-mail: diajazz@yandex.ru

Статья посвящена анализу социально-психологического содержания феномена медиакультуры. Обсуждаются культурологические, социологические, философские и психологические исследования, затрагивающие проблему медиакультуры. Сделаны выводы об интерпретации понятия медиакультуры в рамках гуманитарного знания и конкретно в рамках социально-психологических исследований. Сформулированы выводы о том, что актуальными направлениями развития исследований медиа как на междисциплинарном, так и на уровне социально-психологической проблематики являются изучение медиакультуры в контексте организационной культуры, а также исследование механизмов возникновения и развития медиакультуры в конкретных организациях, разработка соответствующих диагностических методик. Дана интерпретация понятия медиакультуры в организации не только как набора информационно-коммуникативных технических средств, применяемых в организации, но и как совокупности передачи материальных и интеллектуальных ценностей в купе со сложившейся системой их воспроизводства и функционирования в организации.

Ключевые слова: медиакультура, медиaprостранство, гуманитарное знание, социально-психологическое исследование, организация, организационная культура.

DOI: 10.18500/1819-7671-2015-15-4-78-83

XXI век – время стремительных социальных перемен. Их причина не только в экономической глобализации, вызванной поиском все новых рынков сбыта для международных корпораций, но и в интеграции все новых и новых информационных и коммуникационных технологий в нашу жизнь. Средства коммуникации за доли секунды создают тотальное поле взаимодействия населения нашей планеты. Синхронность коммуникации в сети Интернет делает каждого из нас доступным для любого другого человека в мире. Сами по себе технологии никогда не предопреде-

ляли того, как впоследствии они будут расширяться в социуме и применяться на практике. Но если взглянуть на исторический отрезок длиной в несколько сотен лет, будет видно, как технологии коммуникации поменяли общество: сначала был путь от печатного станка до потенциальной конвергенции телефона, радио, телевидения и компьютера, и от становления Интернета до повсеместной его интеграции.

Информация, реализуемая благодаря современным технологиям коммуникации, – преобразователь мира, окружающей жизни, среды обитания. Получение информации позволяет человеку расширить свои познания о мире, осознавая его с разных точек зрения: философской, эстетической, нравственной, экономической, правовой и т.д. Медиа представляет собой совокупность технологических средств и приемов, дающих индивиду или группе информацию, раздвигает область «непосредственного опыта», тем самым влияя на мировоззренческие установки и на процесс формирования личности в группе. Этот факт предопределил актуальность рассмотрения культуры медиа как социально-психологического феномена.

Цель данной статьи состоит в анализе социально-психологического содержания феномена медиакультуры, для её реализации были сформулированы следующие задачи: анализ особенностей изучения феномена медиакультуры в рамках гуманитарного знания, раскрытие социально-психологического содержания этого феномена.

Область исследования феномена медиакультуры и медиакommunikаций находится на стыке